

Язык и знание в повседневной жизни

Благодаря своей способности выходить за пределы “здесь-и-сейчас” язык соединяет различные зоны реальности повседневной жизни и интегрирует их в единое смысловое целое. Выходы за пределы (трансценденции) имеют пространственное, временное и социальное измерения. Благодаря языку я могу преодолеть разрыв между моей зоной манипуляции и зоной манипуляции другого; я могу привести в соответствие мою и его биографические временные последовательности; и я могу беседовать с ним о людях и группах, с которыми у нас не было взаимодействия лицом к лицу. В результате этих трансценденций язык может “создать эффект присутствия” множества объектов, которые в пространственном, временном и социальном отношении отсутствуют “здесь-и-сейчас”... Проще говоря, с помощью языка весь мир может актуализироваться в любой момент... Благодаря лингвистической объективации, даже когда я говорю “с самим собой” в уединенном размышлении, – весь мир может предстать передо мной. Что касается социальных отношений, язык “делает наличными” для меня не только отсутствующих в данный момент людей, но и тех, кто относится к моим воспоминаниям и реконструируемому прошлому, а также людей будущего, представляемых мной в воображении.

Язык вообще может выходить за пределы реальности повседневной жизни... Язык конструирует грандиозные системы символических представлений, возвышающиеся над реальностью жизни, подобно явлениям из иного мира.

В рамках созданных семантических полей можно объективировать, сохранять и накапливать биографи-

ческий и исторический опыт. В результате составляется социальный запас знания, передающийся от поколения к поколению, доступный индивиду в повседневной жизни. Я живу в обыденном мире, имея специфические системы знания. Кроме того, я знаю, что другие разделяют по крайней мере часть этого знания и они знают, что я это знаю. Поэтому на мое взаимодействие с другими в повседневной жизни постоянно оказывает влияние наша общая причастность к доступному нам социальному запасу знания.

...Так как в повседневной жизни преобладает прагматический мотив, важное место в социальном запасе знания занимает знание рецептов, то есть знание, сводящееся к практической компетентности в обыденных делах. Например, я знаю, что я должен делать для оформления паспорта, но все, что меня интересует, – это получение паспорта по истечении определенного времени. Меня не волнует и я не знаю, какой путь проходит мое заявление при оформлении паспорта в административных службах, кем и после чего дается согласие, кто ставит печать в документе. Я не изучаю правительственную бюрократию – я лишь хочу провести каникулы за границей... *Mutatis mutandis*, значительная часть социального запаса знания представляет собой рецепты решения повседневных проблем. Обычно я мало заинтересован в том, чтобы выходить за рамки этого практически необходимого знания, посредством которого можно решать мои проблемы.

...Социальный запас знания дифференцирует реальность. Он дает сложную и подробную информацию о тех секторах повседневной жизни, с которыми я часто имею дело, и гораздо более общую и неточ-

ную – об удаленных секторах. Моё знание повседневной жизни организовано в понятиях релевантности. Некоторые из них определяются моими непосредственными практическими интересами, другие – всей моей ситуацией в обществе. Мне неважно, каким образом моя жена готовит мой любимый гуляш, если он получается хорошо. Меня не интересует то, что акции общества падают, если я не владею этими акциями... Однако поскольку во многом мои релевантные структуры пересекаются с релевантными структурами других, есть вещи, “интересующие” нас взаимно, и нам есть что сказать друг другу. Важный элемент моего знания повседневной жизни – знание релевантных структур других людей... Я обнаруживаю, что знание в повседневной жизни социально распределено, то есть разные индивиды и типы индивидов обладают им в различной степени... Таким образом, социальное распределение знания начинается с того простого факта, что я не знаю всего, что знают мои партнеры, и наоборот; это достигает кульминации в необычайно сложных и эзотерических системах знаний.

Знание того, как распределяется социально доступный запас знания (по крайней мере, в общих чертах), представляет собой важный элемент этого самого запаса знания. В повседневной жизни я знаю (хотя бы приблизительно), что и от кого я могу скрыть, от кого я могу получить информацию, которой не располагаю, и вообще какого рода знаний можно ожидать от разных людей. ■

П. Бергер и Т. Лукман
*Социальное конструирование
реальности*